

М. М. Детенюк

КОНСТРУКЦИЯ МИМЕТИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА КАК УСЛОВИЕ СОБЫТИЙНОСТИ ТЕЛЕСНОСТИ

*Работа представлена кафедрой философии и философской антропологии
МГУ им. Г. И. Невельского.*

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор В. А. Сакутин

Сегодня, дискурс тела и телесности и утверждение достаточности этого дискурса в качестве речи о человеке воспринимается как возможная научная позиция. В настоящее время стерто различие между духом и телом и признано, что человеческая жизнь «всегда опирается на тело». Человеческая воплощенность - это телесная воплощенность. Поэтому, определив условия телесности, мы определяем и самого человека.

Today, the body and corporality discourse and the statement of sufficiency of this discourse as a speech about a personality are perceived as a possible scientific position. Nowadays there is no distinction between mind and body, but a human life is recognised to «base always upon the body». Human personality is corporal personality; therefore a person is defined by means of the same conditions as corporality.

Телесность является базисной структурой человеческого бытия. Однако сам термин не имеет однозначного толкования, что всякий раз ведет к необходимости уточнения его содержания. Во-первых, телесность не определяется исходя из физического присутствия и физиологического состояния. «Мы не столько *имеем* тело или *обладаем* им, - пишет В. А. Подорога, - сколько им наделяемся, и пытаемся его освоить, как будто оно чужое»¹. Телесность - это сложнейшая живая, открытая, саморегулирующаяся и самообновляющаяся структура с присущими ей принципами самосохранения и приспособляемости. Это отмечено в трудах М. Фуко, М. Мерло-Понти, В. А. Подороги и других авторов. Во-вторых, телесность отсылает к целостности человека: это «вид его целостности... именно в ней человек выходит к другому существу и к миру в целом»². Телесность выступает основой человеческого мира. Вещь и мир даны человеку вместе с восприятием своего тела в живом соединении, соответственно, определенная форма внешнего опыта предполагает и вызывает определенное состояние собственного тела. «Обретая контакт с телом

и с миром, мы обретаем и самих себя, поскольку если я воспринимаю при помощи тела, то тело - это субъект восприятия», - заключает М. Мерло-Понти³.

Телесность является нам и как «сфера исполнения человеческого существования» (М. Босс). М. Босс рассматривает телесность как один из способов *бытия-в-мире*. Она есть проявление человеческой экзистенции и имеет смысловой характер. Отношение человека к миру всегда находит свое отражение в его отношении к своему телу, границы тела совпадают с границами открытости миру.

Указанные стратегии в понимании телесности (экзистенциальная аналитика телесности М. Босса и феноменология телесности М. Мерло-Понти) сопряжены: человек телесно воплощен в мире и мир телесно затрагивает человека. В целом телесность можно представить в виде *живой* формы, самовоспроизводимой и одновременно открытой миру. Такая форма фиксирует абсолютную феноменальную полноту и бесконечный горизонт модусов экзистенциальной осуществимости. В этом ракурсе такая форма - суть онтологически укорененное *событие*.

Открытость позволяет телу и миру *касаться* друг друга и в этом касании схватывать себя целостно. Это *живое* касание-схватывание выражается *гаптической* (греч. *haptikos*) форме чувственности (термин В. А. Подороги). Она фиксирует чувственную полноту *касания*, обретаемую благодаря целостному опыту жизни и действий в пространстве: это «воображаемый физический контакт» с частями пространства и объектами, которые мы расположили и упорядочили относительно себя благодаря множеству прошлых неосознаваемых касаний. Например, слушая музыку с закрытыми глазами, я могу видеть ее и то пространство, которое она мне раскрывает. Об этом же говорит М. Мерло-Понти: «Я всегда чувствую, что есть еще что-то за пределами того, что я вижу в данный момент»⁴. Таким образом, гаптическая функция выступает *способом*, каким наше тело вписывает себя в мир, не разрушая ни себя, ни мира. Такое телесное видение - видение через касание - проецируется в пространственный образ и одновременно рождает ощущение нового опыта тела. Видение в своей гаптической функции невозможно без опоры на внутренний образ телесности, который как раз и формируется из этих невидимых нитей прошлых касаний. В связи с этим телесный образ всегда динамичен и процессуален. По существу, нет одного образа телесности - это всегда смена, поток образов, преодолевающий различные пороги (В. Подорога). Телесная смена образов - это переход к линейно-бесконечному пространству *события*. Каждый человек телесно распростерт по всему пространству и по всему времени своей жизни и событие обращает поле телесного пребывания в мире в поле множественности и пребывания во многом. И стратегией поведения в этом поле является постоянная смена собственной размерности, новый «раскрой» самого себя, выступающий как смена образов. Мы располагаем жизненным опытом не в смысле системы отношений, которые

целиком детерминируют каждое событие, но в смысле открытой целостности, синтез которой не может быть завершен.

Событийность телесности выражается, таким образом, в ее изменяемости: телесные образы сменяют друг друга, каждый предшествующий исчезает бесповоротно. Но из этой «пустоты» межобразного пространства и рождается полнота телесности. Причем во всяком дискурсивном своем проявлении феноменальная полнота телесности являет себя модусами *отсутствия*.

Оформление телесности в терминах отсутствия - это сущностная размерность событийности, где телесность предстает как «среда чистой интенсивности», желание или тело без органов. Хаос становится фактором самоконструирования телесности (И. Пригожий, И. Стенгерс). Желание в данном случае - это моделирующая хаос целостность или «постоянно созидающая себя среда» (Ж. Делез, Ф. Гваттари).

Итак, в философском ракурсе событие телесности являет себя амбивалентно: телесность выступает как конкретная форма, заполняемая содержанием - культурным, социальным, антропологическим. Либо протоформой, удерживающей всякую конкретику на расстоянии. Это всегда мое тело, тождественное самому себе, и одновременно оно сводится к *иному*. Это и определяет возможность возникновения и изменения самой телесности. Она выступает как открытая целостность, синтез которой не может быть завершен.

Сказанное дает возможность полагать, что становление телесной формы предполагает ситуацию постоянного балансирования в поле напряжения между Бытием и Ничто. Помещая телесность между двумя полюсами - Бытием и Ничто, мы пытаемся сопоставить два принципа познания мира, два предела философии - «приведение к присутствию» и «приведение к отсутствию», которые предстают как интуитивно схватываемое *Единство*. Одновременный режим тождественности и инаковости,

мыслимого и неммыслимого, присутствия и отсутствия схватывается миметическим парадоксом (Ф. Лаку-Лабарт). Mimesis - это не подобие («imitatio»), а игра уподобления сущего самому себе; игра, рождающая «попытное движение», которое «подобно "маске Януса"»: Янус смотрит и подает знак назад и вперед - и в направлении постижения (аггаисоннемент) и в направлении будущего, по направлению к Ereignis (Событию)⁵. В миметической структуре все в любой момент может обратиться в ничто, вывернуться наизнанку, и ничто может стать всем. Мимезис собирает множественность дискурсов в одном: я есть мое тело / не-мое и одновременно мое тело есть я / не-я. Это попытка в одно и то же время представить то, что взаимоисключает друг друга. Негативность превращается в порождающую матрицу: отвергать нечто - значит способствовать существованию чего-то другого.

Телесность выступает как парадоксальная структура: с одной стороны, благодаря гаптической форме ее структура заполняется образами и символиккой и определяется в представлении. С другой стороны, она обнаруживает свою изнанку: желание определяется как «бытие в качестве естественного и чувственного объекта» (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Распаковка событий реальной телесной жизни не всегда происходит в строго зеркальном отражении, между упакованным смыслом и тем, что распаковывается, возникает отношение *расстояния*. Это не пустота вообще, не метафизический или экзистенциально-онтологический знак бытия, но структура восприятия. В. Изер замечает: «Между тем, что наше тело сообщает нам, и тем, что нам следует знать для того, чтобы функционировать, существует *вакуум*, который мы сами должны заполнять»⁶. Пустота - здесь перцептивная ловушка, указывающая на телесное пространство, в котором соединяются имя и вещь. Например, смех является гетеротопическим пространством, языковой пустотой, смех утверждает реальность посредством ее разрушения.

Таким образом, в рамках миметической конструкции телесность выступает как гетеротопическое пространство совмещения несовместимого, и оно «дает место» другим вещам. Само телесное пространство образуется как раз из совмещаемого: попытка соединить тождественное и иное оборачивается событием телесного *осуществления*. Визуальное (видимое в качестве образа) и высказываемое не совпадают в одном пространстве означивания, так как настоящее тело всегда Другое, которое отсутствует, но без него невозможно ни название, ни образ. Любое описание телесности есть вымышленная завершенность этого незавершенного и незаконченного создания. Телесность появляется из конститутивной пустоты, т. е. она вырастает не из какой-то данности, но скорее из трансформации того, что дано. В результате создается бесконечное колебание, где каждый образ отражает себя в отсылке к другому, создавая миметическую игру подобия. Как говорит М. Фуко, «подобие возвращается к самому себе, развернувшись, оно вновь свертывается»⁷. Таким образом, раскрывается пустота между первоначальным событием и образом, и неспособность преодоления этой пустоты оказывается движущей силой, которая генерирует человеческую телесность. Телесность замыкается на себя, пресекая возможность семантической новизны, а новизна, по мнению М. Фуко, как раз и заключается не в том, что сказано, а в «событии его возвращения».

Миметическая игра раскручивается в условиях нескончаемой рекурсии, которая превращает телесность (желание) в культурный артефакт. Для того чтобы отсутствие стало наличным, оно нуждается в образе, в котором может предстать, иначе присутствие отсутствия нельзя постичь. Обратное движение является основой понимания. В заключение скажем, что «понимаемое никогда не совпадает с моей жизнью, и я никогда не составляю единства с самим собой. Такова участь рожденного существа, т. е. того, кто раз и навсегда дан себе как то, что требуется понять»⁸.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Подорога В. А.* Полное и рассеченное // Психология телесности между душой и телом. М.: АСТ: МОСКВА, 2005. С. 68.

² *Круткин В. Л.* Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 146.

³ *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. С. 65.

"Там же. С. 258.

⁵ *Лаку-Лабарт Ф.* Хайдеггер: поэтика и политика // Логос. 1999. № 2. С. 137.

БизерВ. Что такое литературная антропология//Логос. 1999. № 2. С. 192.

⁷ *Фуко М.* Это не трубка. М.: Художественный журнал, 1999. С. 66.

⁸ *Мамардашвили М.* О сознании / Мамардашвили М. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996. С. 443.